

© 2016 г.

К.Н. ЦИМБАЕВ

ИСТОРИОГРАФИЯ НОЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1918 года В ГЕРМАНИИ

История Ноябрьской революции 1918 г. в Германии и Веймарской республики неоднократно описывалась во всех подробностях, буквально по дням и даже часам, поскольку порой временной разрыв в полчаса между важнейшими событиями оказывался определяющим в судьбе революции и всего государства. Последовавшее вслед за революцией строительство республики, с сопровождавшей его политической борьбой и созданием новых партийных и конституционных структур детально изучено. Однако при этом не только в широких слоях образованной общественности, но и среди историков по большей части распространены лишь несколько стереотипных картин, порой уводящих в сторону от научного анализа. Обычные представления – усталость от войны, революционные настроения народа и армии, победоносное шествие революции и бескровный развал вековых монархий, борьба коммунистов за советскую власть и убийство их лидеров, “версальский диктат”, путчи, чехарда правительств, массовая безработица, инфляция, выплаты зарплаты дважды в день, подъем правых сил, нацизма, приход к власти Национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП) и тем самым завершение периода “импровизированной демократии” – разумеется, в основном, соответствуют историческим реалиям и складываются, казалось бы, во вполне логичную цепь неизбежных событий и их последствий.

Однако при таком стандартном событийно-стереотипном подходе реальные структурные взаимосвязи зачастую остаются за рамками исторического дискурса. Основная причина тому – удивительно малая изученность Ноябрьской революции, несмотря на, казалось бы, обилие литературы, посвященной завершающему периоду Первой мировой войны и непосредственно связанной с ним волной революций в Центральной и Восточной Европе.

Парадоксальным образом российской читающей публике эта эпоха известна, пожалуй, лучше, чем немецкой – прежде всего по романам Э.-М. Ремарка; историкам – по классической работе Я.С. Драбкина, уже почти полвека остающейся основным отечественным научным трудом, посвященным Ноябрьской революции¹. При этом советские авторы открыли для себя эту тему достаточно рано. Уже в 50-е годы XX в. развернулась широкая дискуссия по вопросу о характере Ноябрьской революции². Я.С. Драбкин был ее активным участником, он отстаивал точку зрения о буржуазно-демократическом

Цимбаев Константин Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры славистики и центральноевропейских исследований историко-филологического факультета Российского государственного гуманитарного университета.

¹ Драбкин Я.С. Ноябрьская революция в Германии. М., 1967.

² См., например: Бауэр Р. К вопросу о роли Советов в Ноябрьской революции в Германии. – Новая и новейшая история, 1957, № 4; Жолдак И.А. К итогам дискуссии о характере и особенностях Ноябрьской революции в Германии 1918 г. – Вопросы истории, 1958, № 12.

характере революции³, и именно она стала впоследствии общепринятой в марксистской литературе⁴, в том числе в Германской Демократической Республике (ГДР)⁵. Да и в целом выдающийся ученый Я.С. Драбкин внес наибольший вклад в изучение и истории самой германской революции, и, позднее, – ее историографии, причем как отечественной, так и восточно- и западногерманской⁶.

Отечественная историография революции в 60–80-е годы XX в. была ограничена стандартными идеологическими и методологическими рамками, присущими советской исторической науке. Ее трактовка должна была вписываться в марксистское понимание истории, основанное на классовом подходе и примате классовой борьбы. Кроме того, о германской революции много писал В.И. Ленин – в некотором роде еще даже до самих ноябрьских событий, когда он в феврале 1918 г. выражал надежду, что “Либкнехт победит буржуазию в 2–3 недели”, тем самым как бы заранее расписывая роли в грядущей истории и задавая их правильное восприятие⁷. И затем неоднократно в разгар революции и позднее⁸ он говорил о двух течениях в германских контрреволюционных

³ *Драбкин Я.С.* О характере и движущих силах Ноябрьской революции в Германии. – Вопросы истории, 1956, № 5.

⁴ *Драбкин Я.С.* Революция 1918–1919 гг. в Германии. М., 1958; Ноябрьская революция 1918 г. в Германии (Тезисы ЦК СЕПГ к 40-й годовщине). – Вопросы истории, 1958, № 11; К итогам дискуссии о характере и особенностях Ноябрьской революции в Германии. – Вопросы истории, 1958, № 12; Ноябрьская революция в Германии. Сборник статей и материалов. М., 1960; *Орлова М.И.* Марксистская историография Ноябрьской революции в Германии (к вопросу о характере революции). – Вопросы истории, 1980, № 5.

⁵ *Ulbricht W.* Zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung: aus Reden und Aufsätzen, Bd. 1. Berlin, 1953; Die Novemberrevolution in Deutschland (Dokumente und Materialien). Berlin, 1958; Zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Bd. 6. Periode vom November 1917 bis Januar 1919. Berlin, 1967; *Materna I.* Geschichte der revolutionären Berliner Arbeiterbewegung 1917–1919. Berlin, 1978; Geschichte der revolutionären Berliner Arbeiterbewegung. Bd. 2. Von 1917 bis 1945. Berlin, 1987.

⁶ См. также работы Я.С. Драбкина: Германское Национальное собрание в 1919 году и образование Веймарской республики. Автореферат канд. дисс. М., 1953; Германия в огне революции (Год 1918-й). М., 1964; Легенда “об ударе кинжалом в спину”. – Новая и новейшая история, 1964, № 1; Ленин, Советская Россия и Ноябрьская революция в Германии. – Ежегодник германской истории, 1969. М., 1970; Сопратники в борьбе за великое дело. (Из переписки К. Цеткин и Р. Люксембург). – Новая и новейшая история, 1976, № 3; Германская революция 1918–1919 гг. в современной борьбе идей. – Рабочий класс в мировом революционном процессе. М., 1978; Становление Веймарской республики. М., 1978; Великий Октябрь и революции 1918–1919 гг. в Центральной Европе. – Ежегодник германской истории, 1977. М., 1978; Исторические легенды и реальные проблемы германской революции. – *Хафнер С.* Революция в Германии 1918/19. Как это было в действительности. М., 1983, с. 1–24; Четверо стойких: К. Либкнехт, Р. Люксембург, Ф. Меринг, К. Цеткин. Документальная повесть. М., 1985; Проблемы и легенды в историографии германской революции 1918–1919 гг. М., 1990; Веймарская демократия: достоинства и пороки. – Веймар – Бонн. Опыт двух германских демократий и современная Россия. М., 1998; Идея мировой революции и ее трансформации. – Социальные трансформации в Европе XX века. М., 1998; Коминтерн и Германия в свете архивных документов. – Германия и Россия: события, образы, люди. Вып. 3. Материалы научной конференции “Россия и Германия: опыт и уроки отношений в XIX–XX вв.” Воронеж, 2000.

⁷ *Ленин В.И.* Тяжелый, но необходимый урок. – *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. М., 1967–1975, т. 35, с. 396.

⁸ См. также работы В.И. Ленина в полном собрании сочинений: “Доклад на Объединенном заседании ВЦИК, Московского Совета, фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов 22 октября 1918 г.” (т. 37, с. 111–125); “Речь о международном положении 8 ноября” (т. 37, с. 153–168); “Речь на митинге протеста против убийства Карла Либкнехта и Розы Люксембург 19 января 1919 г.” (т. 37, с. 434); “Третий Интернационал и его место в истории” (т. 38, с. 301–309); “Герои Бернского интернационала” (т. 38, с. 389–398); “Как буржуазия использует ренегатов” (т. 39, с. 182–194); «Членам группы “Спартак”. 18 октября (1918)» (т. 50, с. 195–196); и др.

правлящих кругах⁹ и о трех направлениях во всемирном социализме¹⁰, породил практически неразрываемый термин “ренегат Каутский”; он называл социал-демократов “телохранителями германской буржуазии и палачами германских коммунистов”¹¹. В его трактовке буржуазия и “социал-предатели”, в число которых он включал даже вождей независимых социал-демократов¹², наглядно продемонстрировали в ходе революции, что «“демократия” есть только прикрытие буржуазного грабежа и самого дикого насилия»¹³ и что в противоположность “социалистам-предателям” есть и “социалисты настоящие, честные социалисты” – К. Либкнехт, Р. Люксембург и Союз Спартака – и только они действительно выступают “за власть рабочих и солдат”¹⁴.

Все эти оценки сохранились и позднее. Советские ученые в своем анализе Ноябрьской революции, ее характера, ее основных политических сил не могли выходить за границы суждений Ленина. Исключительно на него ссылались в разделах и главах, посвященных революции, авторы и монументального 10-томного издания “Всемирная история”, выпущенного Государственным издательством политической литературы в 1955–1965 гг.¹⁵, и 16-томной “Советской исторической энциклопедии” 1961–1976 гг.¹⁶ Оба издания сконцентрировали официальный советский взгляд на мировую историю. “Основу ее научной разработки заложил В.И. Ленин. Он раскрыл соотношение классовых сил, содержание и перспективы революционного движения в Германии...” – прямо указывалось на правильное восприятие революции в ведущем университетском учебнике для студентов-историков, подготовленном кафедрой новой и новейшей истории исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова в 1989 г.¹⁷ Как писал позднее о марксистской историографии автор многочисленных учебников и курсов лекций по новой и новейшей истории Е.Ф. Язков об одном из спорных историографических вопросов – были ли правы в конце 1918 г. спартаковцы, утверждая, что единственной альтернативой, стоявшей перед Германией, был выбор между диктатурой буржуазии и диктатурой пролетариата – “в тот период иная оценка в нашей стране была невозможна: ведь она основывалась на многочисленных высказываниях В.И. Ленина”¹⁸. Этот вывод можно распространить и на анализ всей Ноябрьской революции в целом. Возможные дискуссии сводились к разным трактовкам ленинских положений. При этом не подвергался никаким сомнениям или альтернативным интерпретациям основной тезис всей советской историографии – о буржуазно-демократическом характере германской революции, осуществлявшейся частично пролетарскими методами, при ведущей роли в ней рабочего класса, во главе со спартаковцами, позднее – коммунистами, и ее незавершенности и конечного краха, прежде всего из-за предательства социал-демократов.

С другой стороны, при всей изначальной заданности общей парадигмы марксистская историография на протяжении десятилетий не оставалась статичной и бескон-

⁹ Ленин В.И. Доклад на Объединенном заседании..., с. 119.

¹⁰ Ленин В.И. Письмо к рабочим Европы и Америки. – Полн. собр. соч., т. 37, с. 458.

¹¹ Ленин В.И. Как буржуазия использует ренегатов, с. 182–183.

¹² В работе «Детская болезнь “левизны” в коммунизме» В.И. Ленин утверждал: “плаксивые мещанские демократы, которые в тысячу раз опаснее для пролетариата, если они объявляют себя сторонниками Советской власти и диктатуры пролетариата, ибо на деле в каждую трудную и опасную минуту они неизбежно будут совершать предательство”. – Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 97.

¹³ Ленин В.И. Речь на митинге протеста..., с. 434.

¹⁴ Ленин В.И. Речь на рабочей конференции Пресненского района. – Полн. собр. соч., т. 37, с. 377.

¹⁵ Сурат С.П. Ноябрьская революция в Германии. Революционные бои германского пролетариата в 1919–1921 гг. – Всемирная история, в 10-и т., т. 7. М., 1961.

¹⁶ Ульбрихт В. Ноябрьская революция 1918 в Германии. – Советская историческая энциклопедия, в 16-и т., т. 10. М., 1967.

¹⁷ История новейшего времени стран Европы и Америки: 1918–1945. М., 1989, с. 61.

¹⁸ Язков Е.Ф. История стран Европы и Америки в новейшее время (1919–1945 гг.). Курс лекций. М., 2000, с. 85.

фликтной. Помимо усиливавшейся автаркии, вызванной в том числе и сложностями с доступом в архивы и минимизацией международных контактов, постоянно шла борьба за правильное толкование исторических событий и “чистоту мировоззрения”, причем не только научными, но и административно-командными методами, когда неугодные авторы “отлучались от марксизма” или подвергались репрессиям¹⁹.

В целом же в советской историографии Ноябрьская революция в Германии оценивалась с точки зрения решения ее идеальной исторической задачи – стать этапом всемирной пролетарской революции, передать власть в руки рабочего класса и создать социалистическое общество, и, соответственно, рассматривалась как потерпевшая поражение, преданная руководством Социал-демократической партии Германии (СДПГ), и потому – в какой-то мере не заслуживающая пристального интереса историков. Для большинства неспециалистов было достаточно знания марксистской теории, что позволяло приблизиться к соответствующему пониманию характера революции, ее причин, движущих сил и последствий.

В конце 80-х годов XX в. на волне нового политического и исторического мышления в СССР дискуссии о Ноябрьской революции, казалось, получили новый импульс²⁰. Рубежной стала фундаментальная монография Я.С. Драбкина “Проблемы и легенды в историографии германской революции 1918–1919 гг.” (М., 1990). В ней автор фактически подвел итоги советской историографии и одновременно предложил пути дальнейшего изучения Ноябрьской революции в современных, порой противоречивых, условиях. Драбкин выступил за то, чтобы, не отрицая и не “замазывая” реальные идейно-политические и теоретико-методологические противоречия между различными научными школами, рассматривать историографию “как процесс развивающийся и многослойный”, провести “деловое сопоставление различных подходов и концепций” и сформировать более аргументированные, избавленные от идеологического балласта представления об истории революции²¹.

При этом Драбкин выделил пять основных тематических комплексов, требующих переосмысления с новых позиций: предпосылки и причины революции, ее связь с Первой мировой войной и не только с поражением Германии, но и со всем социально-экономическим и политическим строем кайзеровской империи; характер непосредственно самих ноябрьских событий и их результатов – свержения монархии, провозглашения республики, военного перемирия; последовавшая вслед за этим политическая борьба по основному вопросу: передача полноты власти Советам или же Национальному собранию; события 1919 г., носившие характер Гражданской войны; наконец, роль и место германской революции в истории и страны, и всей послевоенной Европы, а также в интернациональном революционном процессе. Резюмируя, Драбкин предложил в качестве дальнейшего историографического пути отказаться от упрощенных стандартных, часто политизированных схем и изучать Ноябрьскую революцию комплексно, в диахронном (национальном) и синхронном (международном) срезе, уделяя углубленное внимание одновременно и социально-экономическим, политическим, социокультурным факторам, но и субъективным – роли отдельных лидеров, партий, общественных, промышленных, военных кругов²².

¹⁹ Драбкин Я.С. Проблемы и легенды в историографии германской революции, с. 5.

²⁰ Орлова М.И. Германская революция 1918–1919 гг. в историографии ФРГ. М., 1986; Космач Г.А. Германский либерализм и Ноябрьская революция в Германии. – Ежегодник германской истории, 1987. М., 1988; Кукушкина И.А. Независимая социал-демократическая партия Германии и Советы накануне и в ходе революции 1918–1919. – Там же; Газизов К.Г. Марксистская историография германской революции 1918–1919 гг. Уфа, 1988; Об оценке революции 1918–1919 гг. в Германии (доклады Э. Диля и Я.С. Драбкина на международной научной конференции в Берлине). – Новая и новейшая история, 1989, № 6; Цфасман А.Б. Германская буржуазия в Ноябрьской революции 1918–1919 гг. (проблемы изучения). – Вопросы германской истории. Политическое развитие: неизученные проблемы. Днепропетровск, 1990.

²¹ Драбкин Я.С. Проблемы и легенды в историографии германской революции, с. 5.

²² Там же, с. 6–8, 260–261.

Приходится, однако, констатировать, что в 90-е годы XX в. на повестке дня в позднесоветской и российской исторической науке стояли иные вопросы, нежели германская революция. Эта тема неизбежно продолжала присутствовать в учебной литературе, в меньшей степени – в научной; причем постсоветский период принес не столько критическую переоценку методологических или тематических подходов советской науки, сколько просто полярный ответ на основной вопрос революции – вопрос о власти. Подводя итоги историографии 90-х годов XX в., Е.Ф. Языков писал в 2000 г. о лишь “первых попытках пересмотра истории германской революции”. Причем “характерно, что при этом не ставится под сомнение наличие той альтернативы, которая стояла перед деятелями революции в конце 1918 г. и о которой писали историки-марксисты, только ей дается противоположная оценка”²³. В соответствии с российскими политическими веяниями 90-х годов XX в. описывалась борьба двух тенденций – либерально-демократической в лице лидеров СДПГ и тоталитарной, которую выдвигали спартаковцы. И если раньше советские историки безоговорочно становились на сторону спартаковцев, то теперь авторы новых работ именно в них видели самую серьезную опасность – утверждение тоталитарной диктатуры.

Но в целом отметим, что интерес к Ноябрьской революции в отечественной науке долгое время практически отсутствовал. Если возникшая в ее результате Веймарская республика привлекает к себе серьезное внимание исследователей²⁴, то уровень осмысления феномена самой революции “фактически застыл на уровне достижений 1990-х годов”²⁵. Отдельные примеры специализированных работ, в том числе рассматривающих более частные аспекты, пока не создают целостную картину²⁶. При этом относительная историографическая новизна – от утверждения о “народно-демократическом” характере революции²⁷ (в отличие от советского тезиса о буржуазно-демократической революции) до попыток найти ответы на первый из предложенных Драбкиным проблемных комплексов – о причинах революции – в подчеркивании, наряду с широко обсуждавшимися

²³ Языков Е.Ф. История стран Европы и Америки..., с. 86.

²⁴ Уже с 20-х годов XX в., с работ А.С. Ерусалимского, но в качестве самостоятельного академического историографического направления – с многочисленных публикаций, включая ставшие классическими монографии М.И. Орловой и Я.С. Драбкина: Орлова М.И. Германия в 1924–1929 годах. М., 1955; *ее же*. Германия 1918–1939 годов. М., 1973; Драбкин Я.С. Становление Веймарской республики. М., 1978. О современной историографии см. подробнее: Веймарская республика: история, историография, источниковедение, вып. 2–5. Иваново, 2000–2011; Терехов О.Э. Веймарская республика в Германии (1919–1933 гг.) в отечественной историографии 20-х – 90-х гг. Автореферат канд. дисс. Кемерово, 2002; Ерин М.Е. Веймарская республика в новейших исследованиях российских историков (конец XX – начало XXI века). Текст лекций. Ярославль, 2005; Филатов Н.М. Историография первой недолговечной советской республики на немецкой земле. – Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 3. Гуманитарные и общественные науки, 2013, № 1; Кретьинин С.В., Некрасова Т.А. Новейшие исследования о становлении Веймарской республики. – Новая и новейшая история, 2015, № 2; Черноперов В.Л. Традиции и новации в изучении становления Веймарской республики российскими историками. – Исторический журнал, 2015, № 3.

²⁵ Черноперов В.Л. Указ. соч., с. 290. Ср. также русское издание монографии немецкого историка Г.А. Винклера (*Winkler H.A. Weimar 1918–1933. Die Geschichte der ersten deutschen Demokratie. München, 1993*): Винклер Г.А. Веймар 1918–1933. История первой немецкой демократии. М., 2013.

²⁶ Космач В.А. Германия в 1918–1919 гг.: рождение республики. Витебск, 2008; Ноябрьская революция в Германии: взгляд через 90 лет. Сборник материалов “круглого стола”. М., 2009; Цимбаев К.Н. Ноябрьская революция и становление Веймарской Германии. – Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации. М., 2014; Соколов А.П. Германский офицерский корпус и солдатские советы: борьба за политическое выживание в период революции 1918–1919 гг. – Исторический журнал, 2015, № 3; Тимофеева Т.Ю. Роль Ведомства по экономической демобилизации в германской революции 1918–1919 гг. – Исторический журнал, 2015, № 3.

²⁷ История Германии. Учебное пособие, в 3-х т. Т. 2. От создания Германской империи до начала XXI века. М., 2008, с. 142; Космач В.А. Указ. соч., с. 4, 24.

ранее аспектами, также стагнации и паралича политической воли правительственного аппарата, что способствовало как усилению кризисного потенциала всей государственной системы, так и радикализации антигосударственных, точнее – “антисистемных”, революционных настроений и проникновению их почти во все слои населения²⁸.

В настоящее время еще сложно сказать, насколько некоторый интерес к Ноябрьской революции в Германии, наблюдающийся в последние годы в отечественной науке, долговечен и обусловлен ли он общим подъемом интереса к социально-политической и в том числе революционной проблематике, выходящим и за рамки академических штудий. Пока остается лишь вновь процитировать наблюдение Я.С. Драбкина четвертьвековой давности: “Путь историографии Германской революции, начатый 70 лет назад, шел от исторических легенд ко все более реалистическому решению научных проблем, в том числе запутанных и сложных. Он еще не пройден, и осилит его идущий”²⁹.

В Германии события 1918–1919 гг. долгое время воспринимались сквозь призму последующей эпохи: краха республики в 1933 г. Ноябрьская революция рассматривалась не как начало демократического развития Германии, а как первый шаг к грядущей гитлеровской диктатуре³⁰. Политическая и общественная мысль послевоенной Западной Германии была явственно пропитана “комплексом Веймара”³¹ – страхом, что “Боннская республика” может повторить судьбу первой немецкой демократии. Фраза “Бонн – это не Веймар”, взятая из названия ранней работы швейцарского публициста Ф.Р. Аллеманна³², была девизом и своего рода политическим заклинанием на протяжении десятилетий после 1949 г.³³ С каждым годом дальнейшего успешного существования Федеративной Республики Германии (ФРГ) подобные страхи должны были бы уменьшаться. Однако даже в новой объединенной Германии, так называемой “Берлинской республике”, эта формула все еще присутствует в публицистическом обиходе, служа своего рода успокоительным средством в экстренных ситуациях³⁴.

В ходе нередких финансовых кризисов минувших полутора десятилетий, начиная с 2001 г., общим местом стало их сравнение с “черным” октябрём и “Великой депрессией”; подтекст последовавших за ней в 30-е годы XX в. трагических событий порождал дополнительную волну экономических и политических страхов. Успокаивающим выводом при этом обычно звучала констатация того факта, что у обеих эпох существенно больше различий, чем схожих черт. Так, один из крупнейших современных немецких историков Г.А. Винклер в интервью ведущей германской газете “Франкфуртер альгемайне цайтунг” 11 сентября 2001 г. утверждал: “Мировой экономический кризис был одной из крупнейших экономических катастроф истории. В Германии он привел к формированию тоталитарной диктатуры – и тем самым, в конечном итоге, ко Второй мировой войне и Холокосту. <...> сегодня... политическая культура Германии совершенно иная”³⁵.

Таким образом, “комплекс Веймара”, во-первых, демонстрирует незавидное место злосчастной республики в немецком коллективном сознании; и, во-вторых, очевидно, что только его преодоление могло позволить немецкой исторической науке, наконец, беспристрастно начать изучение Веймарской республики и создавшей ее Ноябрьской

²⁸ Цимбаев К.Н. Указ. соч., с. 569.

²⁹ Драбкин Я.С. Проблемы и легенды в историографии германской революции, с. 261.

³⁰ Nipperdey Th. 1933 und die Kontinuität der deutschen Geschichte. – Nipperdey Th. Nachdenken über die deutsche Geschichte. Essays. München, 1986.

³¹ Ullrich S. Der Weimar-Komplex. Das Scheitern der ersten deutschen Demokratie und die politische Kultur der frühen Bundesrepublik 1945–1959. Göttingen, 2009.

³² Allemann F.R. Bonn ist nicht Weimar. Köln, 1965.

³³ Gallus A. Einleitng. – Die vergessene Revolution von 1918/19. Göttingen, 2010, S. 7.

³⁴ См., например: Mommsen H. Die Weimarer Republik und die Bundesrepublik nach der Wende. – Vom Nutzen und Nachteil historischer Vergleiche. Der Fall Bonn – Weimar. Frankfurt a.M., 1997; Schirmer D. Mythos – Heilshoffnung – Modernität: politisch-kulturelle Deutungscode in der Weimarer Republik. Opladen, 1992.

³⁵ Frankfurter Allgemeine Zeitung, 11.IX.2001.

революции. Еще даже на 75-летний юбилей ноября 1918 г. откликнулись практически только самые левые – коммунистические, марксистские историки³⁶. Более того, вплоть до настоящего времени революция настойчиво вытесняется из официального дискурса объединенной Германии. Даже и в 2009 г., официально считавшемся в ФРГ “юбилейным”, 90-летие основания республики фактически игнорировалось, в отличие от многоликого празднования 20-летия “мирной революции” в ГДР – что, казалось бы, должно было продемонстрировать способность и готовность современного германского общества празднично отмечать годовщину успешного слома существующего государственного строя. Термин “революция” и сам исторический феномен затушевываются только в отношении Ноябрьской революции³⁷ – так, революция 1848 г., напротив, всемерно возвеличивается, не всегда в соответствии со своим реальным историческим значением³⁸.

Тот факт, что 1918 г. оказался в тени 1933 г., наложил отпечаток на всю научную литературу по истории Веймарской республики: традиционно она посвящена, в первую очередь, изучению причин ее поражения, распадаясь на два, в основном противоборствующих, направления. Одно из них подчеркивает чрезмерный континуитет властных структур между кайзеровской Германией и республикой, явно недостаточную смену элит, компромиссный характер новой политической системы, в которой вдобавок изначально был заложен авторитарный потенциал. Другое же выдвигает на первый план ошибочные стратегии, конфликт интересов, личные амбиции республиканских партий и их лидеров. В качестве классического примера постоянно приводятся выборы президента в 1925 г., на которых коммунисты во втором туре выдвинули собственного кандидата – Э. Тельмана, что оттянуло голоса от прореспубликанской демократической Веймарской коалиции и позволило победить П. фон Гинденбургу³⁹.

³⁶ См. “75 Jahre deutsche Novemberrevolution (Schriftenreihe der Marx-Engels-Stiftung, 21)” (Bonn, 1994) с характерными статьями: “Независимая социал-демократическая партия Германии и Коммунистический интернационал”, “К вопросу о возникновении и значении советов крестьян и сельскохозяйственных рабочих в Ноябрьской революции 1918/1919 гг.”, “Исполнительный совет рабочих и солдатских советов в Берлине как центральный советский орган – централизация и децентрализация в германском советском движении”, “О взаимном влиянии российской и германской революций”, “Из-за преданной революции 1918 г. Германия больна до сих пор” и др.

³⁷ Так, в проспекте постоянной выставки “Картины и свидетельства немецкой истории за два тысячелетия” в берлинском Немецком историческом музее, фактически принадлежащем правительству и являющемуся ведущим в стране, раздел “Кайзеровская империя и Первая мировая война. 1871–1918” заканчивается следующим пассажем: “В 1918 г. Германия капитулировала, Вильгельм II был вынужден отречься от престола. Война высвободила в Германии и других регионах Европы новые республиканские силы”. Раздел “Веймарская республика. 1918–1933” начинается так: “Из революционных потрясений после Первой мировой войны Германская империя вышла в 1918 г. парламентской демократией”. Понятия “революция” явным образом избегают сознательно (Цит. по: *Plener U. Zum Geleit. – Die Novemberrevolution 1918/1919 in Deutschland. Für bürgerliche und soziale Demokratie. Allgemeine, regionale und biographische Aspekte. Beiträge zum 90. Jahrestag der Revolution. Berlin, 2009, S. 7*).

³⁸ Берлинский центр политического образования организовал в 2008 г. “исторические обзорные туры” “Когда и где возник демократический строй в Германии”. Поводом и их центральной темой была Мартовская революция 1848 г. Берлинский сенат предложил объявить 18 марта “национальным памятным днем в честь рождения демократии” – хотя таковая родилась в Германии в результате не Мартовской революции (1848 г.) – всегда именно так официально и именуемой – *Märzrevolution*, но Ноябрьской (1918 г.). По мнению левых историков, исторически обоснованным, но официально даже не обсуждаемым, днем рождения республики и государственным праздником следовало сделать 9 ноября. (См., например: *Plener U. Op. cit., S. 7*; *Scherer P. Die Bedeutung der Novemberrevolution 1918 für die deutsche und europäische Geschichte. – Die Novemberrevolution 1918/1919 in Deutschland, S. 296–303*; *Bramke W. Zwei Revolutionen im November. – Ibid., S. 304–308*).

³⁹ Ср.: *Mommsen H. Ist die Weimarer Republik an Fehlkonstruktionen der Reichsverfassung gescheitert? Chancen und Scheitern der ersten deutschen Republik. – Weimar und die Republik. Geburtsstunde eines demokratischen Deutschlands. Weimar, 2009*.

В любом случае тема Ноябрьской революции и Веймарской республики остается дезидератом даже и современной германской историографии: потребность использовать ее как пример негативной модели политического развития уже отпала, в качестве же примера успешного демократического развития она, разумеется, тоже не годится. Единственная новизна научных подходов последних лет – пересмотр понятия “кризис”, в котором, по общему мнению наблюдателей и исследователей последних десятилетия, перманентно находилась Веймарская республика. “Кризис” рассматривается не как “упадок” или негативный вектор развития, но как постоянно присутствующая возможность выбора между различными, разнонаправленными альтернативами⁴⁰. Кроме того, актуальная историография все дальше отходит от традиционной событийной истории и черно-белого политизированного видения мира, придавая в рамках современной “культурной истории” наибольшее значение формам и средствам репрезентации и коммуникации, символике и ее восприятию, дискурсивным стратегиям и коллективной памяти.

Вытеснение Ноябрьской революции из общественного сознания и историографического мейнстрима имеет в ФРГ и существенные историко-политические причины. Одну из них можно (очень условно) назвать антикоммунистической. 1918–1919 гг. слишком ассоциируются с борьбой за советскую власть, восстанием Союза Спартака и другими военными выступлениями ориентировавшихся на Советскую Россию и идею мировой революции коммунистов, с их непримиримой борьбой (в том числе и в последующие десятилетия) даже с социал-демократами; неустойчивость Веймарской республики – в том числе и с коммунистическими боевыми отрядами, в 20-е годы XX в. не сильно отличавшимися от штурмовых отрядов НСДАП. Все это, вкупе с инструментализацией революции в политических целях в СССР и ГДР и соответствующей дополнительной реакцией отторжения в ФРГ, создало ее негативный образ в массовом общественном и научном сознании Западной Германии.

Другую причину столь же условно можно обозначить как “антифашистскую”. 9 ноября – не просто один из черных дней немецкой истории: в этот день 1923 г. был организован “Пивной путч”, в 1938 г. – “Хрустальная ночь”, крупнейший еврейский погром в нацистской Германии. Эти даты не случайны, но сознательно были выбраны нацистами, чтобы символически провести антагонистическую параллель с 1918 г.: “Пивной путч” должен был свергнуть республику, 9 ноября 1938 г. имело корни в укоренившемся сразу же после революции в антиреволюционных кругах представлении о ее “еврейском” характере⁴¹. И впоследствии 9 ноября в нацистской Германии постоянно оставалось сакральной датой, разумеется, не связанной с революцией, точнее – антагонистической ей⁴². В послевоенной Германии, на символическом и риторическом уровне проводящей активную политику денацификации, подобное обстоятельство не могло не учитываться. Более того, позднее, в 1989 г., 9 ноября произошло падение Берлинской стены, что стало символом объединения страны и конца “холодной войны”. И тем не менее не этот день стал официальным государственным

⁴⁰ Die “Krise” der Weimarer Republik. Zur Kritik eines Deutungsmusters. Frankfurt a.M., 2005; Graf R. Die Zukunft der Weimarer Republik. Krisen und Zukunftsaneignungen in Deutschland 1918–1933. München, 2008.

⁴¹ Ср.: “По всей стране идет волна антиеврейских настроений. Плакаты, призывы, листовки... подстрекают массы против евреев. ...Бросают в одну корзину евреев и революцию. Они нападают на евреев, а подразумевают революцию” (Fränkische Tagespost, Nürnberg, 23.V.1919. Цит. по: Rákhy J. Revolution und Konterrevolution. Dokumente zur Geschichte der Arbeiterbewegung in Nürnberg 1918–1933. Kösching, 1985, S. 69–70).

⁴² 9 ноября 1925 г. Ваффен СС получило свое наименование; каждый год выпускались почтовые марки в память о “Пивном путче”, и в честь его “победы” устраивались торжественные мероприятия; 9 ноября 1935 г. саркофаги с прахом нацистов, погибших во время путча, были перенесены в специально (и самими нацистами собственноручно) построенные Храмы почета; А. Гитлер посвятил им “Mein Kampf”.

праздником объединенной Германии – слишком сильны и частично негативны были его исторические коннотации⁴³.

Наконец, революция изначально ощущалась слишком многими как нечто или незавершенное, или, напротив, зашедшее слишком далеко, или же в нежелательную сторону. Для крайне левых это была (и осталась) революция, насильственно оборванная, разгромленная реакцией и преданная соратниками – социал-демократами, образовавшими первое республиканское правительство. Для широкого левого спектра, многих интеллектуалов – слишком велик оказался разрыв между “идеалом и действительностью”⁴⁴, ожиданиями от свержения монархии и реальной политической обстановкой⁴⁵. Казалось, что революция “отложена”, фактически не состоялась и ее следует “наверстать” в будущем⁴⁶. Правые частично отвергали революцию и ее результаты с монархических позиций, частично – с консервативно-сепаратистских, подобно баварским регионалистам (Г. фон Кар), стремившимся к выходу из единого государства и реставрации династии Виттельсбахов; и в любом случае считали, со своей стороны, саму революцию предательством – “ударом кинжалом в спину” сражавшейся немецкой армии. Крайне правые, а позднее – нацисты – говорили о необходимости революции “консервативной” или “национальной” и довольно скоро присвоили себе само понятие “революция” – от издания “Газеты национал-революционной политики”⁴⁷ до “правительства Национальной революции”, как в риторике национал-социалистов именовалось правительство А. Гитлера после утверждения закона о чрезвычайных полномочиях 24 марта 1933 г. Все это практически изначально лишило Ноябрьскую революцию легитимности и ценности в глазах значительной части населения и общественных сил, что ощущается и спустя почти столетие – в результате ее именовали “забытой”⁴⁸, “застывшей”⁴⁹, “парадоксальной”⁵⁰, “половинчатой”⁵¹, “всесторонне непопулярной”⁵², “нелюбимой”⁵³,

⁴³ Хавкин Б.Л. 9 ноября 1938 г. в Германской истории: дата, символ, событие. – В отблеске “Хрустальной ночи”: еврейская община Кёнигсберга, преследование и спасение евреев Европы. Материалы 8-й Международной конференции “Уроки Холокоста и современная Россия”. М. – Калининград, 2014. Ср. также требование современных германских левых: “День рождения республики – 9 ноября, и он должен быть объявлен государственным праздником” (*Plener U. Op. cit.*, S. 7). При этом прецедент объявления 9 ноября официальным праздничным днем с осознанными позитивными коннотациями к Ноябрьской революции в Германии уже был. Именно таким символическим актом стало одно из первых мероприятий демократически избранного социалистического правительства Тюрингии в 1921 г. (*Hesselbarth M. Zur Novemberrevolution 1918/1919 in Thüringen. – Die Novemberrevolution 1918/1919 in Deutschland*, S. 149).

⁴⁴ *Theobald Tiger <Tuchovsky K.>. Ideal und Wirklichkeit. – Die Weltbühne*, 5.XI.1929, S. 710. О восприятии революции в левой среде смотрите книгу современника событий, американского журналиста Б. Хехта “Революция в стакане воды” (*Hecht B. Revolution im Wasserglas. Geschichten aus Deutschland 1919. Berlin*, 2006).

⁴⁵ *Bavaj R. Von links gegen Weimar. Linkes antiparlamentarisches Denken in der Weimarer Republik. Bonn*, 2005.

⁴⁶ *Hölscher L. Die verschobene Revolution. Zur Generierung historischer teit in der deutschen Sozialdemokratie vor 1933. – Utopie und politische Herrschaft in Europa der Zwischenkriegszeit. München*, 2003.

⁴⁷ *Widerstand. Zeitschrift für nationalrevolutionäre Politik. Hg. von E. Niekisch und A.P. Weber, 1926–1934.*

⁴⁸ *Gallus A. Op. cit.*

⁴⁹ *Kolb E. 1918/19: Die steckengebliebene Revolution. – Wendepunkte deutscher Geschichte 1848–1990. Frankfurt a.M.*, 2003.

⁵⁰ *Wirsching A. Die paradoxe Revolution 1918/19. – Aus Politik und Zeitgeschichte*, 2008, № 50/51, S. 6–12.

⁵¹ *Ullrich V. Die halbe Revolution. Warum der demokratische Aufbruch von 1918 sein Scheitern bereits in sich barg. – ZEIT Geschichte*, 2008, № 3.

⁵² *Schildt A. Der lange November – zur Historisierung einer deutschen Revolution. – Die vergessene Revolution von 1918/19*, S. 224.

⁵³ *Bramke W. Eine ungeliebte Revolution. Die deutsche Novemberrevolution 1918/1919 im Widerstreit von Zeitgenossen und Historikern. – Die Novemberrevolution 1918/1919 in Deutschland.*

“никогда не бывавшей” и, как квинтэссенция всего вышеназванного – “очень немецкой”⁵⁴ революцией, т.е. “никакой”⁵⁵.

При этом в самом ноябре 1918 г. никто не сомневался, что в стране происходит настоящая революция⁵⁶, более того, многие участники и современники считали ее “самой великой из всех революций”⁵⁷. Скептическое отношение к ней, включая отрицание самого ее факта, началось позднее, когда она уже закончилась. И в первые же годы существования Веймарской республики сложилось одиннадцать моделей интерпретации революции, некоторые из которых существуют и по сей день, в то время как другие постепенно исчезали из общественного сознания и научного оборота: предательство по отношению к кайзеру и империи; “удар кинжалом в спину” армии; предательство по отношению к родине; национальная катастрофа; нарушение упорядоченного процесса реформ; отпор большевистской опасности; начало социалистической революции; преданная революция; упущенный шанс демократизации; час рождения германской республики; ненастоящая революция⁵⁸.

В веймарскую эпоху большинство историков придерживались тезиса о предательстве и “ударе кинжалом”; меньшинство, воспринимавшее республику положительно, тем не менее трактовало революцию негативно, как национальную катастрофу или, в лучшем случае, – как меньшее зло, как отпор большевизму. В период национал-социализма “легенда об ударе кинжалом в спину” продолжала доминировать, хотя и не являлась составной частью официальной идеологии⁵⁹. Но вместе с этим в социал-демократическом лагере началось и более осознанное восприятие революции как упущенного шанса демократического развития республики⁶⁰.

После 1945 г. в Западной Германии, в результате резкого изменения политического климата и отношения к недавнему прошлому, “легенда об ударе кинжалом в спину” была практически единодушно отринута; революция трактовалась в рамках дискурса о необходимости демократизации страны – того, что было упущено в 1918–1919 гг. По мере роста блоковой конфронтации в “холодной войне” в 50-е годы XX в. усиливалось и историографическое восприятие Ноябрьской революции в качестве успешного примера отражения большевистской опасности. Одновременно с этим более позитивные ассоциации с донацистским периодом позволяли представить 1933 г. как трагическую случайность, не подразумевавшуюся предшествующим ходом исторического развития страны – и тем самым исключить “Третий рейх” из немецкой национальной истории⁶¹.

Во второй половине 50-х годов XX в. эта трактовка была поставлена под сомнение. Вновь в повестку дня вошел тезис об упущенном шансе демократизации. В рубежной работе Э. Колба о рабочих советах в 1918–1919 гг. проводилась мысль о наличии многовекторных возможностей политического развития послереволюционной Германии, вопреки сложившемуся стереотипу о единственной альтернативе – между больше-

⁵⁴ Fischer C. “A very German Revolution?” The Post-1918 Settlement Re-evaluated. – German Historical Institute London Bulletin, 2006, v. XXVIII, № 2.

⁵⁵ Scherer P. Die Bedeutung der Novemberrevolution 1918 für die deutsche und europäische Geschichte. – Die Novemberrevolution 1918/1919 in Deutschland, S. 296.

⁵⁶ Драбкин Я.С. Проблемы и легенды в историографии германской революции, с. 6.

⁵⁷ Niess W. Die Revolution von 1918/19 in der deutschen Geschichtsschreibung. Deutungen von der Weimarer Republik bis ins 21. Jahrhundert. Berlin, 2013, S. 12.

⁵⁸ Типология предложена штутгартским журналистом, историком, политологом В. Ниссом в обобщающей работе “Революция 1918/19 гг. в немецкой историографии. Интерпретации от Веймарской республики до XXI века”. Ср. также: Царуски Ю. Германская революция 1918–1919 гг. в новейших исследованиях и общественном сознании. – Исторический журнал, 2015, № 3, с. 281.

⁵⁹ Niess W. Op. cit., S. 13.

⁶⁰ Rosenberg A. Geschichte der deutschen Republik. Karlsbad, 1935.

⁶¹ Erdmann K.D. Die Geschichte der Weimarer Republik als Problem der Wissenschaft. – Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte, 1955, H. 1; Niess W. Op. cit., S. 14.

визмом и “Веймаром”; а также о том, что советы вполне могли стать конструктивным инструментом в руках правительства при строительстве нового государства⁶².

В ходе “фишеровской дискуссии”⁶³ укрепились и вплоть второй половины 70-х годов XX в. доминировала трактовка “упущенный шанс демократии”, хотя в разгар общественных и научных споров в “революцию 68-го года” в некоторой степени тематизировалась и интерпретация “преданная революция”. В 80-е годы XX в. в период господства политического консерватизма и канцлерства Г. Коля историография Ноябрьской революции раскололась на два антагонистических лагеря: либерально-критический, для которого центральным понятием была “эмансипация”, и консервативный, ставивший во главу угла “национальную идентичность”⁶⁴.

После “спора историков” 1986–1987 гг., посвященного проблемам ревизии взглядов на период национал-социализма, основное внимание исторической и общественной мысли Германии окончательно сместилось в сторону тем, связанных с Холокостом и Второй мировой войной. Исследовательский интерес к Ноябрьской революции практически исчез. Это не изменилось и после объединения двух германских государств. Господствующий дискурс официальной науки – гармонизация национального самосознания и конституционный патриотизм⁶⁵ – не предполагал ни имплицитных требований большей демократизации, “закодированных” в этой теме, ни, тем более, революционной риторики. В лучшем случае историки высказывали сомнение в том, что в 1918 г. произошла действительно революция⁶⁶, или отмечали, что она “затерялась в складках покрывала истории” и “никто не обращает на нее никакого внимания”⁶⁷.

Некоторое изменение наблюдается начиная 2008 г., что связано, возможно, и с менее стабильным внутривнутриполитическим развитием Германии. 90-летие революции знаменовалось выходом юбилейных сборников и ряда других работ авторов, в основном социал-демократического, частично и левосоциалистического направления⁶⁸. По-прежнему доминирует трактовка революции как упущенного шанса демократии, хотя высказываются суждения об имевших место (и желательных в будущем) возможностях социальной и социалистической демократии⁶⁹. Но в целом приходится констатировать,

⁶² Работа Э. Колба была подготовлена как диссертация в 1959 г. и опубликована в 1962 г.: *Kolb E. Die Arbeiterräte in der deutschen Innenpolitik. 1918–1919. Düsseldorf, 1962.*

⁶³ После выхода в 1961 г. книги Ф. Фишера “Бросок к мировому господству” о причинах Первой мировой войны и последовавших ожесточенных историографических дебатов не менее громко прозвучали его более поздние книги “Война иллюзий” и “Союз элит” о континуитете структур власти, политики и идеологии в Германии от Бисмарка до Гитлера: *Fischer F. Griff nach der Weltmacht. Die Kriegszielpolitik des kaiserlichen Deutschland 1914/1918. Düsseldorf, 1961; idem. Krieg der Illusionen. Die deutsche Politik von 1911 bis 1914. Düsseldorf, 1969; idem. Bündnis der Eliten. Zur Kontinuität der Machtstrukturen in Deutschland 1871–1945. Düsseldorf, 1979.*

⁶⁴ *Winkler H.A. Von der Revolution zur Stabilisierung. Arbeiter und Arbeiterbewegung in der Weimarer Republik, 1918 bis 1924. Bonn, 1984; Niess W. Op. cit., S. 16.*

⁶⁵ *Niess W. Op. cit., S. 17.*

⁶⁶ *Pohl K.H. Obrigkeitsstaat und Demokratie. Aspekte der “Revolution” von 1918/19. – Revolution in Deutschland? 1789–1989. Sieben Beiträge. Göttingen, 1991: “То, что в Германии в целом не было достигнуто: проведение революции. Так, революция осталась неким фрагментом, несовершенным, постоянно подвергавшимся опасности, незаконченным”. – Ibid., S. 66.*

⁶⁷ *Dowe D. Vorbemerkung des Herausgebers. – Langewiesche D. 1848 und 1918 – zwei deutsche Revolutionen. Vortrag vor dem Gesprächskreis Geschichte der Friedrich-Ebert-Stiftung am 4. November 1998. Bonn, 1998, S. 3.*

⁶⁸ *Die deutsche Revolution 1918/19. Berlin, 2008; Wirsching A. Op. cit.; Rürup R. Der 9. November in der deutschen Geschichte. Zur Erinnerungskultur in einer demokratischen Gesellschaft. Berlin, 2009; Die Novemberrevolution 1918/1919 in Deutschland; Ullrich S. Der Weimar-Komplex; Wieland L. “Wieder wie 1914!” Heinrich Ströbel (1869–1944). Biografie eines vergessenen Sozialdemokraten. Bremen, 2009; Die vergessene Revolution von 1918/19; Niess W. Op. cit.*

⁶⁹ *Henicke H., Hesselbarth M. Chance der Revolution: Soziale Demokratie war möglich. – Die Novemberrevolution 1918/1919 in Deutschland; Plener U. Zum Verhältnis demokratischer und sozialistischer Bestrebungen in der Revolution 1918/1919. – Ibidem.*

что научный, равно как и общественный интерес к Ноябрьской революции остается незначительным. Во многом сохраняется и стереотип ее негативного восприятия, прежде всего как неудавшейся⁷⁰. Ни сама революция, ее итоги и достижения, ни ее история все еще не включены в канву демократической традиции современной Германии⁷¹.

Подобным образом в массовом сознании и в традиционной историографии выглядит “репутация” и Веймарского Национального собрания и в целом – Веймарской республики. Даже в самом Веймаре вплоть до середины 2000-х годов не было ни единого упоминания о Национальном собрании и принятой в Веймарском Немецком национальном театре конституции⁷². Причины схожие. Частично это, опять же, все еще последствия умелой политики А. Гитлера в сфере символики: в случае Веймара он “захватил” Национальный театр благодаря тому, что в 1926 г. провел там первый партийный съезд НСДАП после ее запрета. Частично – из-за имиджа депутатов Национального собрания как предателей интересов рабочего класса и тех, кто нанес “удар кинжалом в спину” армии; сам выбор города Веймара (а не столицы) в качестве места проведения Национального собрания изначально объясняли тем, что “господа политики боятся показаться народу в Берлине”⁷³. Кроме того, уже в 1919 г. интерес немецкой общественности к событиям, происходящим в Веймаре, был сравнительно невысок. Существенно более важными представлялись проходившие одновременно в Париже мирные переговоры. Внимание привлекали, в первую очередь, обсуждения проектов не будущей германской конституции, а будущего всей Европы, позднее – дебаты о необходимости принять или отклонить условия мирного договора.

Также и сама Веймарская республика традиционно носит клеймо “республики без республиканцев”, “демократии без демократов”, именуется “консервативной” или (опять же) “нелюбимой” республикой, но чаще всего – “импровизированной демократией”⁷⁴. Очевидно, что исторические стереотипы почти невозможно перебороть или переосмыслить; но столь же очевидно, что в случае Веймарской республики эти стереотипы несправедливы или, как минимум, нуждаются в уточнении. Национальное собрание и первые социал-демократические правительства предотвратили реально грозившую, если уже не шедшую, гражданскую войну, массовый голод и распад государства. Веймарская республика впервые ввела в Германии широкие политические и социальные права – 8-часовой рабочий день, всеобщее, включая женщин, избирательное право и т.д.; продемонстрировала очередное германское “экономическое чудо”. Тезис о поражении революции тем самым исключается, тем более, что лишь незначительная часть восставших рабочих и солдат стремилась к созданию социалистической республики советского типа; топос о вине Веймарской конституции в конечном поражении республики и “легальном” взятии власти Гитлером – обоснованно отвергнут современной наукой⁷⁵.

При этом ответ на вопрос о том, насколько Веймарская республика действительно являлась “импровизированной демократией”, республикой, возникшей после спонтанной революции, не подготовленной серьезными политическими силами и лишенной массовой поддержки; насколько политический и социальный развал Германской империи был неизбежен и насколько он был вызван мировой войной – следует искать не только в событиях 1918 г. Первая мировая война, которую (прежде всего в Германии) принято называть “основополагающей катастрофой” (*Urkatastrophe*) XX в., с ее 15 миллионами жертв, из которых два пришлось на долю Германии, безусловно, явилась

⁷⁰ Царуски Ю. Указ. соч., с. 286.

⁷¹ Niess W. Op. cit., S. 18.

⁷² Кроме единственной мемориальной таблички на здании театра. См.: Weimar und die Republik. Geburtsstunde eines demokratischen Deutschlands. Weimar, 2009, S. 13.

⁷³ Ibid., S. 10.

⁷⁴ Thoß H. Demokratie ohne Demokraten? Die Innenpolitik der Weimarer Republik. Berlin – Brandenburg, 2008, S. 8.

⁷⁵ Mommsen H. Ist die Weimarer Republik an Fehlkonstruktionen der Reichsverfassung gescheitert?... S. 105–121.

более рубежным и существенным явлением, чем Ноябрьская революция, причем не только для коллективной памяти, но и для “реальных” общественно-политических, социальных, экономических, тем более – демографических, но даже и ментальных структур. Возникновение Ноябрьской революции “из войны” несомненно⁷⁶. Тем не менее только лишь усталость от войны, экономическая разруха и предстоящее поражение – недостаточное объяснение краха монархии; равным образом явно неправомерно говорить о неотвратимой цепи подталкивающих друг друга событий 1918 г. – от январской стачки рабочих военной промышленности до ноябрьского восстания матросов⁷⁷. Вполне очевиден эффект обострения накапливавшихся десятилетиями противоречий и структурных проблем внутри нерепформируемого сословного и одновременно классового общества под влиянием тяжелых военных условий. Таким образом, причины смены государственного устройства, свершившейся в 1918 г., лежат глубже – и по сути, и по хронологии, чем Первая мировая война.

С другой стороны, вопрос об “импровизированности” республики имеет несомненную подоплеку. Веймарская республика не была результатом многолетней подготовительной работы широкого антимонархического движения, сильной политической партии, целенаправленно готовившей свержение монархии и установление республики. Почти случайное, “необязательное” восстание матросов в Киле, юридически нелегитимное отречение кайзера (объявленное – на тот момент – без его ведома и его подписи канцлером Максимилианом Баденским) и почти единоличное провозглашение республики Ф. Шейдеманом (без согласования даже с соратниками и лидером социал-демократов Ф. Эбертом) привели к необходимости некоего “вынужденного решения” – это еще одно клеймо, из самых распространенных, которым была награждена Веймарская республика. Тот факт, что социал-демократическое правительство не смогло избежать тяжелейших условий навязанного союзниками мира, сразу во многом дискредитировал новые власти в глазах населения, и демократическая республика изначально оказалась основана на весьма нестабильном фундаменте. Существует немало свидетельств того, что даже ведущие социал-демократы “не хотели революции” или же считали ее излишней⁷⁸, поскольку к ноябрю 1918 г. “основные пункты их внутриполитической программы” уже были выполнены или начали выполняться⁷⁹. Один из лидеров социал-демократов Г. Носке писал позднее, что “в ноябре возникла ситуация, которую впоследствии попытались назвать революцией” и что провозглашение республики было “не более чем пустой фразой”⁸⁰.

Действительно, вплоть до самого начала ноября ликвидация монархии не являлась существенной темой германского политического дискурса. Те буржуазные, либеральные, даже левые демократические политические силы, которые в революцию 1848 г. выступали за республиканскую форму правления, к началу XX в. волне примирились с монархической формой государственной власти; даже социал-демократы, хотя и имели ликвидацию монархии одним из пунктов в своей партийной программе, не рассматривали ее в качестве первоочередной задачи⁸¹.

Вопрос об “импровизированности” Ноябрьской революции и Веймарской республики получает, однако, иное освещение, если учесть, во-первых, усилия большинства партий, представленных в рейхстаге (СДПГ, Центр, Прогрессивная народная партия) по

⁷⁶ *Schönhoven K.* Die Entstehung der Weimarer Republik aus dem Krieg: Vorbelastungen und Neuanfang. – Weimar in Widerstreit. Deutungen der ersten deutschen Republik im geteilten Deutschland. München, 2002.

⁷⁷ *Ullrich V.* Zur inneren Revolutionierung der wilhelminischen Gesellschaft des Jahres 1918. – Kriegsende 1918. Ereignis, Wirkung, Nachwirkung. München, 1999.

⁷⁸ *Noske G.* Erlebtes aus Aufstieg und Niedergang einer Demokratie. Offenbach a.M., 1947, S. 75.

⁷⁹ *Hoegner W.* Die verratene Revolution. Geschichte der deutschen Gegenrevolution. München, 1958, S. 12.

⁸⁰ *Noske G.* Op. cit., S. 75–78.

⁸¹ *Kolb E.* Deutschland 1918–1933. Eine Geschichte der Weimarer Republik. München, 2010, S. 3.

введению в Германии парламентской формы правления, причем еще до навязанной Верховным командованием под давлением союзников реформы – по меньшей мере переход от конституционной к парламентской монархии и ликвидация сословного государства (прусское трехклассное избирательное право) являлись целью широких политических сил. Кроме того, следует учитывать откровенную неспособность и нежелание кайзеровской элиты проводить или поддерживать давно назревшие реформы. В то время как социал-демократия осенью 1918 г. вплоть до начала ноября не являлась движущей силой демократизации государства, таковой стал узкий круг военного и государственного руководства, при явном противодействии основной части госаппарата, прусской аристократии и правоконсервативной политической элиты и последующих попытках отменить уже достигнутые демократические завоевания. Тезис о “реформах сверху, проводимых противниками реформ”⁸², включает в себя не только либерального принца Макса Баденского, но даже фактического военного диктатора генерала Э. Людендорфа, который в октябре 1918 г. был вынужден не просто создать видимость демократизации кайзеровской Германии, но и требовать действительно глубоких внутривластных изменений, включая превращение империи в парламентскую монархию и включение представителей оппозиции в правительство. Социалисты (Ф. Шейдеман) впервые были включены в кабинет не только ради того, чтобы переложить на них ответственность за грозившие стать заведомо тяжелыми условия мира, но и ради того, чтобы попытка Германии заключить перемирие была вообще услышана союзниками.

Тот факт, что социал-демократы стали “революционерами не по своей воле” и лишь в последнюю минуту возглавили уже идущую революцию, а впоследствии – республику, не умаляет объективной необходимости и широкой поддержки в массах коренных государственных преобразований (не говоря уже о наличии самого левого политического крыла – независимых социал-демократов (НСДПГ), позднее – Союза Спартака и компартии, требовавших еще более радикальных изменений). Многократно описано спонтанное провозглашение “немецкой республики” Ф. Шейдеманом, благодаря чему он обуздал революционную энергию масс и перехватил инициативу у лидера левых К. Либкнехта, чуть позже – “опоздав” едва ли на час – провозгласившего “социалистическую республику”; негативная реакция на это лидера социал-демократов Ф. Эберта, остававшегося (по крайней мере, внешне) преданным монархии патриотом, ненавидевшим революцию “как смертный грех”⁸³ и просто поставленным перед фактом, одновременно со спущенной ему “сверху” Максом Баденским ролью рейхсканцлера; борьба СДПГ с НСДПГ, включая, очевидно, и санкционирование убийства К. Либкнехта и Р. Люксембург⁸⁴. Тем не менее, несомненно, что идея революции и республики, серьезных политических, экономических, социальных изменений разделялась буквально всеми активными политическими силами и имела полную поддержку населения. Особенностью германской революции было то, что основная борьба разгорелась не между правыми и левыми силами, как обычно случается в революциях, а между умеренными левыми и крайне левыми, ориентировавшимися на российский большевизм; в то время как врагов у революции – в ее широком понимании, как феномена свержения монархии, – практически не оказалось⁸⁵.

⁸² Wirsching A. Op. cit., S. 8.

⁸³ Prinz Max von Baden. Erinnerungen und Dokumente. Berlin – Leipzig, 1927, S. 599.

⁸⁴ Ср., например, воспоминания А. Брехта, секретаря в правительстве Макса Баденского: “Германия попала бы во власть независимых (социал-демократов. – К.Ц.) и спартаковцев, если бы правые социалисты предоставили бы их самим себе... Патриотизм правых социалистов никогда не проявлялся в столь чистой форме, как в эти недели. ...Я признаю, что, с точки зрения коммунистов и радикальных социалистов, то, что я сейчас называю в похвалу правым социалистам, являлось и является поводом для тяжелых обвинений. Но это вопрос мировоззрения. Факты же налицо”. – Brecht A. Aus der nächsten Nähe. Lebenserinnerungen 1884–1927. Stuttgart, 1966, S. 170.

⁸⁵ Патрушев А.И. Германия в XX веке. М., 2004, с. 74.

Таким образом, тезис об отсутствии массовой поддержки Веймарской республики и ее изначальной обреченности оказывается несостоятельным. Помимо лежащих на поверхности сравнений с Третьей республикой во Франции – также возникшей из проигранной франко-прусской войны, не будучи подготовленной и “завоеванной” каким-либо республиканским политическим движением и также весьма неустойчивой в первые годы своего существования, с сильными внутри- и внешнеполитическими противниками, но тем не менее сумевшей в долгосрочной перспективе превратиться в стабильную парламентскую демократию – что, соответственно, доказывает отсутствие заданности политического вектора при неких начальных условиях, – достаточно привести один пример, показывающий, что Веймарская республика не была “республикой без республиканцев”.

Выборы в Национальное собрание, состоявшиеся 19 января 1919 г., принесли безоговорочную победу умеренным левым, леволиберальным силам, составившим позднее так называемую “Веймарскую коалицию” (СДПГ, Центр, Немецкая демократическая партия), имевшую конституционное большинство (329 мандатов из 421). Однако уже на первых выборах в рейхстаг 6 июня 1920 г. коалиция потеряла почти половину голосов избирателей и мандатов, крупнейшая партия – СДПГ – была вынуждена перейти в оппозицию, в то время как радикально левые и правые почти вдвое увеличили свое представительство. В дальнейшем эта тенденция сохранилась. Тем не менее республика оставалась высшей ценностью, вокруг которой готовы были сплотиться самые различные слои населения и политические силы. Как, например, после убийства министра иностранных дел В. Ратенау, совершенного правой террористической организацией “Консул”. Убийству предшествовала жесточайшая травля Ратенау в прессе – за его “политику исполнения”⁸⁶, кроме того (в основном из-за его еврейского происхождения), сторонники “легенды об ударе кинжалом в спину” причисляли его к “ноябрьским предателям”⁸⁷. Несмотря на то, что Ратенау не был популярен и в левой среде, его похороны превратились в грандиозную демонстрацию прореспубликанской солидарности. Граф Г. Кесслер отметил в своем дневнике: «В это воскресенье (25 июня) по улицам маршировали рабочие. Сотни тысяч шли в четырех колоннах с раннего утра и почти до вечера под черно-красно-золотыми (цвета флага Веймарской республики. – К.Ц.) и красными флагами в молчаливом трауре по улицам Берлина. Рейхстаг собрался в три часа. При появлении Гельфериха (Карл Гельферих – экономист, политик, один из руководителей правой Немецкой национальной народной партии, один из главных критиков Ратенау и подстрекателей против него. – К.Ц.) прокатились крики: “Убийца, убийца. Долой убийцу!” Возник неопиcуемый шум, до тех пор, пока Гельферих не убрался. ...Похороны Ратенау состоялись во вторник, 27 июня. ...Профсоюзы объявили всеобщую стачку во всей стране со вторника 12 часов до утра среды. Гигантские колонны демонстрантов, каких еще не видела Германия, шли в полном порядке под республиканскими знаменами по всем немецким городам. Более миллиона человек в Берлине, сто пятьдесят тысяч в Мюнхене, в Хемнице, сто тысяч в Гамбурге, Бреслау, Эльберфедде, Эссене»⁸⁸. При этом в демонстрациях участвовали не только рабочие, но и буржуа, либералы, католики, социал-демократы вместе с коммунистами. В тот же

⁸⁶ Стратегия немецкого правительства максимально выполнять требования Версальского договора и тем самым продемонстрировать их заведомую завышенность и невозможность выполнения Германией своих обязательств по выплате репараций из-за полной экономической разрухи.

⁸⁷ Причем безосновательно, поскольку в ноябре 1918 г. В. Ратенау выступал против перемирия и за продолжение военных действий, чтобы обеспечить Германии более выгодные исходные позиции на переговорах. Разумеется, истинные причины лежали глубже, чем официально объявленный следствием слепой антисемитизм молодых фанатиков: стремление дестабилизировать республику, спровоцировать коммунистов на ответную реакцию и развязать руки фрайкору на пути установления правой диктатуры.

⁸⁸ Цит. по: *Christian Graf von Krockow. Die Deutschen in ihrem Jahrhundert. 1890–1990. Reinbeck bei Hamburg, 1990, S. 127–128.*

день правительство приняло постановление в защиту республики, которое уже через три дня прошло рейхстаг и стало законом.

И все же Веймарская республика неуклонно двигалась вправо, ее руководители – В. Ратенау, Г. Штресеман, Г. Брюнинг – постоянно подвергались нападкам как “предатели”, жертвами правого террора становились не только коммунисты, но и умеренные социал-демократы и буржуазные политики, подписавшие перемирие, а позднее – Версальский мир. Реваншисты, фрайковцы, позднее – фашисты – стремились ответить на потерпевшую поражение социалистическую и неполную демократическую революцию решительной ультраправой контрреволюцией. При этом, казалось бы, успех веймарской политики был налицо: Германия вернулась в европейскую “семью наций”, величина репараций все время корректировалась в сторону уменьшения, пока они совсем не были отменены. И в целом весь “диктат Версаля” был вызван войной, ответственность за которую следовало бы возлагать на кайзеровскую элиту, а не на веймарскую. Здесь, как и в случае с “легендой об ударе кинжалом в спину”, налицо не просто предвзятость, но убежденность в наличии предубежденности как предпосылки к формированию нелегитимного общественного мнения.

“Легенда об ударе кинжалом в спину”, более чем популярная в 20-е годы XX в., возведенная нацистами в ранг неколебимого мифа и не умирающая до сих пор, многократно и доказательно опровергалась в научной литературе. Она является не просто ярким примером сознательной фальсификации истории в политических целях, но сконструирована виновниками, возлагавшими вину на своих политических конкурентов. И само понятие⁸⁹, и начало легенды принято возводить к выступлению П. фон Гинденбурга в ноябре 1919 г. перед комиссией Национального собрания по расследованию причин развала германского фронта осенью 1918 г., подтвержденному в его мемуарах, изданных уже в следующем году, где он сравнил падение истощенного немецкого фронта, пораженного предательством тыла, с “Зигфридом под вероломным ударом копья свирепого Хагена”⁹⁰. При этом именно сам Гинденбург вместе с генералом Э. Людендорфом, были теми, кто в конце сентября 1918 г. поверг в шок гражданское руководство страны, впервые сообщив правду о реальном положении дел на фронте и потребовав немедленно предложить перемирие и создать парламентское правительство⁹¹. Разумеется, истинные причины военного поражения и тем самым – краха старого режима – были иными.

Объективно это было полное истощение экономической, демографической, военной мощи страны. В 1915 г. военное производство составляло 38% всей промышленной продукции, в 1917 г. – уже 75%. Государственный долг за четыре года войны возрос в тридцать раз: с 5,2 млрд марок в 1914 г. до 156,4 млрд марок в 1918 г. Нехватка

⁸⁹ Dolchstoß (нем.): буквально “удар кинжала” – образ, впоследствии широко использовавшийся в карикатурах, где мерзкие социал-демократические политики или же некая гнусная личность с характерным еврейским профилем подкрадываются с кинжалом сзади к сражающимся с врагом немецким солдатам.

⁹⁰ Цит. по: *Christian Graf von Krockow. Op. cit., S. 117.*

⁹¹ Из сообщений очевидцев доклада специального курьера Верховного главнокомандования госсекретарям и представителям рейхстага, т.е. самой верхушке руководства страны: “Я слышал полузадушенные возгласы, я замечал подступающие слезы. Пробуждение от наркоза, гнев, ярость, стыд, обвинения: военные годами нас обманывали, а мы верили этому как евангелию” (Цит по: *Christian Graf von Krockow. Op. cit., S. 117.*)

Другое свидетельство – историка А. Розенберга – объясняет, как это стало возможным: “С конца сентября 1914 г. и вплоть до конца войны ежедневные донесения были вполне добросовестны и надежны. В них было то, что обычно и содержат в себе подобные донесения, а именно данные о расположении фронта и о важнейших событиях. Но собственно решающие сведения в эти ежедневные донесения невозможно вписать: сила собственных войск в соотношении с войсками противника, резервы обеих сторон и общее стратегическое положение. Об этой реальной военной ситуации немецкий народ, включая рейхстаг, ничего не знал. Положение дел на войне было известно: при дворе, в Верховном командовании и в лучшем случае еще канцлеру”. – *Rosenberg A. Die Entstehung der Weimarer Republik. Frankfurt a.M., 1966, S. 91.*

сырья, квалифицированной рабочей силы (ушедших на фронт мужчин на производстве заменяли работавшие по 12 часов женщины и подростки) и, соответственно, снижение производительности труда вели к неуклонному снижению выпуска промышленной продукции, которая сократилась почти вдвое – так же, как и продукция сельского хозяйства, что уже в 1915 г. привело к необходимости введения карточной системы для всех основных продуктов питания; как результат – массовое недоедание, тяжелый голод⁹². Людские потери Германии от войны составили не только около 2 млн чел. убитыми и около 4,5 млн чел. ранеными, но и огромное, трудно поддающееся исчислению число умерших (в том числе после войны, но из-за ее последствий) от голода, эпидемий, пропавших без вести и попавших в плен⁹³. Предложенная Гинденбургом после фактического установления в Германии военной диктатуры Верховного командования в конце 1916 г. программа “военизации” страны только ускорила истощение экономики и, соответственно – нарастание социальной напряженности. Вера в победу улетучивалась; падала заработная плата; рабочие в условиях военного времени оказались фактически на положении крепостных; опора госаппарата – средние слои служащих и чиновников, по своему материальному положению скатывались все дальше к пролетариату, вынужденно проникаясь общностью интересов всех трудящихся; у крестьян, ремесленников, мелких торговцев вызвали недовольство высокие цены, нехватка рабочей силы и сырья – или даже его конфискация, низкие закупочные цены, спекуляция продуктами... При этом кайзеровская юнкерско-военная элита продемонстрировала решительное нежелание любых преобразований: предложенная для успокоения общества канцлером Т. фон Бетман-Гольвегом умеренная реформа прусской избирательной системы встретила решительный отпор. Октябрьская революция 1917 г. и выход России из войны еще более усилили антивоенные и революционные настроения в Германии. В январе 1918 г. всеобщая политическая стачка охватила основные индустриальные центры страны; в ней участвовало свыше миллиона человек, выдвигавших уже и политические требования – заключение мира с Россией, амнистия политзаключенных, отмена военной диктатуры, улучшение продовольственного снабжения; власти смогли сбить волну выступлений лишь введя осадное положение и благодаря соглашательской позиции лидеров социал-демократов. После провала последних отчаянных наступлений во Франции летом 1918 г. население окончательно утратило веру в кайзера и генералитет, рабочие бастовали, началось разложение армии и флота. Однако даже после вынужденного запроса о перемирии, начавшейся под давлением союзников демократизации политической системы и даже после восстания матросов в Киле Вильгельм II отказывался отречься от престола, передать власть социал-демократам и назначить выборы в Национальное собрание, хотя на этом настаивал канцлер и даже и генералитет.

Можно ли считать “случайным” восстание матросов 3 ноября, после которого по стране прокатилась волна революционных волнений, свержений и отречений, и в течение недели неожиданно для всего мира и всей Германии развалилась не только сравнительно молодая империя, но вековая, даже тысячелетняя, политическая система отдельных монархий, княжеств и герцогств – причем практически без малейшего сопротивления – “удивительно бесшумно”⁹⁴? Ведь многие политики, даже социал-демократы и даже будущие коммунисты, как историк А. Розенберг, впоследствии депутат рейхстага

⁹² До войны пищевой рацион в Германии в среднем составлял 3500 килокалорий в день, в 1916–1917 гг. он не превышал 1500–1600 килокалорий. За годы войны от голода и недоедания в Германии умерло около 760 тыс. человек, в том числе, по некоторым источникам, до 700 тыс. в “брюквенную зиму” 1916/17 гг.

⁹³ По некоторым оценкам, общее число вызванных войной потерь Германии составило до 22 млн человек. Кроме того, современные оценки добавляют в число непрямых потерь и миллионы женщин 1875–1900 гг. рождения, оставшихся одиночками из-за огромной убыли мужчин в возрасте 20–55 лет. – *Kluge U. Die Weimarer Republik. Paderborn, 2006, S. 29–30.*

⁹⁴ *Machtan L. Die erstaunlich lautlose Untergang von Monarchie und Bundesfürstentümern – ein Erklärungsangebot. – Die vergessene Revolution von 1918/19, S. 39–56.*

от Коммунистической партии Германии, полагали, что октябрьские реформы сделали революцию уже не нужной: “Парламентское большинство в рейхстаге в октябре в целом выполнило все то, чего требовали народные массы... Их (масс. — *К.Ц.*) политическим рупором было большинство рейхстага. Они обладали властью и достигли того, чего хотели. Как же могла быть возможной новая немецкая революция, в результате которой пало правительство Макса Баденского, то есть в действительности — правительство Эрцбергера/Шейдемана (лидеры СДПГ. — *К.Ц.*)? И тем не менее в ноябре случилась самая удивительная из всех революций. Массы, которые поддерживали большинство рейхстага, восстали против правительства Макса Баденского, то есть, собственно говоря, против самих себя”⁹⁵.

Само по себе восстание явилось логичным итогом практически фатального развития событий после решения об объявлении неограниченной подводной войны. В марте 1917 г. Германия, возможно, стояла на пороге победы⁹⁶. Париж был охвачен волнениями, французское население требовало мира, во французских войсках назревали брожения. Неограниченная подводная война, вторично (после беспомощной попытки в 1915 г.) объявленная 1 февраля 1917 г., на первых порах приносила немцам явные успехи. 31 марта австрийский император Карл I втайне от Германии послал письмо французскому президенту Р. Пуанкаре с предложением мира⁹⁷. Союзники восприняли это письмо как доказательство близящегося краха “держав оси” и с его помощью смогли убедить президента США В. Вильсона в скорой легкой и неизбежной победе. США вступили в войну через неделю, 6 апреля, после чего победа союзников была предрешена, несмотря на последующие успехи немцев на Балканах, в Италии, выгодный мир с Россией и захват огромных богатых территорий на востоке, и даже продвижение летом 1918 г. практически к самому Парижу — дальше, чем в 1914 г.

Война в конечном итоге — и не только в смысле вступления в нее США — была решена не на полях сражений, а во многом на море — редчайший случай для крупных войн. Германский военно-морской флот, так торжественно, но и с такими политическими и финансовыми усилиями строившийся перед войной, фактически в ней так и не принял полноценного участия, будучи заперт британским флотом в местах своего стационарирования. Еще более важным стало то обстоятельство, что английский флот смог обеспечить бесперебойное импортное снабжение Великобритании и, напротив, организовать полноценную блокаду Германии и Австро-Венгрии. Единственным возможным средством противостоять британскому превосходству на море германскому командованию виделась подводная война, причем неограниченная, т.е. нарушающая морское право. По мнению адмиралитета, если германские подводные лодки начнут топить все корабли вокруг британских островов — без предупреждения и без исключений — то Англия, сама оказавшись в кольце жесткой блокады, быстро будет вынуждена капитулировать. Не только нарушение морского права, но и — как более чем вероятный результат неограниченной подводной войны — вступление в войну США воспринимались немецким командованием как неизбежное зло, не влекущее за собой, однако, серьезных последствий⁹⁸. Немецкие адмиралы и генералы были твердо уверены в успехе и обещали победу в течение шести месяцев. Действительность показала крах неограниченной подводной войны в течение искомым шести месяцев: англичане разработали надежную систему морских конвоев; ни один американский военный транспорт не был потоплен на пути через Атлантику; большинство немецких подлодок погибло.

⁹⁵ *Rosenberg A.* Die Entstehung der Weimarer Republik, S. 223–224.

⁹⁶ После битв при Аррасе, Эна и Шампани — так, по крайней мере, по мнению ряда историков, отнюдь не ревизионистски-реваншистского толка: см., например: *Fernau J.* “Deutschland, Deutschland über alles...” Von Anfang bis Ende. München, 2008, S. 247.

⁹⁷ После чего через несколько дней заверял Вильгельма II на встрече в Бад-Хомбурге в своей безусловной союзнической преданности и дал свое честное императорское слово возмущенному австрийскому министру иностранных дел, что ничего не знает о подобном письме.

⁹⁸ *Christian Graf von Krockow.* Op. cit., S. 113–114.

К началу ноября 1918 г. скорое поражение Германии не только было очевидно, но и еще за четыре недели до этого публично признано самим Верховным командованием (причем в соответствующем письме Гинденбурга одним из мотивов заключения перемирия было желание сохранить жизнь немецким солдатам). Тем более логичным представляется отказ матросов выполнять заведомо самоубийственный приказ, отданный буквально в последнюю минуту перед неизбежным перемирием, – выйти в море навстречу превосходящим силам британского флота. Немецкие матросы не отказывались защищать родину и были готовы идти до Гельгоlanda, но не в Ла-Манш к берегам Англии, навстречу “почетной смерти под развевающимся флагом”.

Со времен Веймарской республики и до настоящего времени публицисты и историки спорят⁹⁹, чем было вызвано это роковое решение морского командования – попыткой добиться перелома в войне, стремлением поддержать военными действиями идущие переговоры или же сознательным желанием “почетной смерти”¹⁰⁰. Вероятно, мотивы и командования, и многих офицеров были различны и, возможно, многогранны; вероятно, морское командование не планировало “самоубийство” в прямом смысле слова. В любом случае матросы, основываясь и на разговорах, и на общих настроениях (для историков зафиксированных и письменно), интерпретировали приказ однозначно, отказавшись быть жертвами губительного честолюбия офицеров¹⁰¹. Командующий флотом адмирал Ф. фон Хиппер попытался, ввиду начавшихся волнений, отменить приказ о наступлении, но было уже поздно: матросы были вынуждены идти до конца, поскольку выбор был только между “старым порядком”, что означало трибунал и расстрел за мятеж на военном корабле в военное время и отказ исполнять приказ (уже шли массовые аресты матросов, позже – столкновения с военными патрулями, повлекшие за собой жертвы) – или же его ликвидацию. Матросов почти принудили просто бороться за выживание, что стало, однако, катализатором всегерманской революции¹⁰².

⁹⁹ См., например: *Deist W.* Die Politik der Seekriegsleitung und die Rebellion der Flotte Ende Oktober 1918. – Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte 14, 1966; *Groß G.R.* Eine Frage der Ehre? Die Marineführung und der letzte Flottenvorstoß 1918. – Kriegsende 1918. Ereignis, Wirkung, Nachwirkung; *Afflerbach H.* “Mit wehender Fahne untergehen”. Kapitulationsverweigerungen in der deutschen Marine. – Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte 4, 2001.

¹⁰⁰ “Почетная смерть” и “губительный менталитет” – важнейшие понятия, характеризующие образ мышления правящей дворянской верхушки Австро-Венгрии и Германии, во многом – офицерского корпуса, особенно морских офицеров (в среде которых было традицией предпочитать смерть – затопление корабля и команды – капитуляции). Предвосхищение грядущей неминуемо назревающей гибели империи и всего привычного миропорядка сочеталось с желанием устроить этому миру “пышные похороны”, уйти, “громко хлопнув дверью”, в том числе и этим объясняется та настойчивость, с которой австрийский и немецкий генералитет еще в 1914 г. двигался к мировой войне. В конце Первой мировой войны, в преддверии неминуемого поражения, давняя морская традиция пережила настоящий ренессанс; этаблировалось даже новое понятие – *Todesfahrt*: самоубийственный выход навстречу врагу при заведомом отсутствии шансов на успех.

¹⁰¹ Командир линкора “Тюрингия” говорил о необходимости “уйти на дно под развевающимся флагом”, другие офицеры – о том, что нужно предпочесть “гибель с честью” “позорной капитуляции” (цит. по: *Afflerbach H.* Op. cit., S. 606). Следует учесть, что в данном контексте “гибель” и “затопление корабля” в немецком языке – одно слово.

¹⁰² Тот факт, что матросы поначалу не думали ни о какой революции, подтверждают записи А. Розенберга, историка-современника событий: «Требования восставших матросов были вполне аполитичными. Из 13 пунктов, выдвинутых солдатским советом первой эскадры, дальше всех шел один, который требовал освободить арестованных матросов “Тюрингии” и “Гельгоlanda”, а также матросов, осужденных в 1917 г. Также требовали освободить от ответственности участников нынешних волнений: в их личное дело “не должны вноситься никакие негативные записи”! То есть революционеры не хотят, чтобы им в личное дело записали революцию... Бесподобен пункт 9: “Обращение ‘господин капитан и пр.’ должно использоваться только в начале фразы. В дальнейшем разговоре оно отпадает, и я обращаюсь к начальнику на ‘Вы’”! Вы только представьте себе – 100 000 матросов восстали. У них пушки. Жизнь офицеров в их руках. Германская империя разваливается от их выступления, а эти самые революционеры озабочены тем, что в будущем хотят говорить

Успех восстания, переворот в Берлине, молниеносный развал Германской империи не означал, однако, коренной общественно-политической трансформации. Верхние слои общества, генералитет, буржуазия считали необходимым пожертвовать символами прежнего режима – кайзером и местными правящими династиями, чтобы сохранить прежнюю суть государства. Практически все слои населения желали не революции, но реформ, причем довольно умеренных: во многом именно из-за и без того серьезных материальных и финансовых потерь люди стремились сохранить оставшееся и не подвергать свое материальное положение опасности политических экспериментов¹⁰³. Даже самые левые политические силы – СДПГ и НСДПГ (правда, без участия радикально настроенных спартаковцев и будущих коммунистов), сформировавшие советы рабочих и солдатских депутатов, добровольно отказались от взятия власти, высказавшись в пользу созыва Национального собрания. Больше того, во многом именно советы содействовали формированию многопартийной демократии. На начальном этапе революции советы не являли собой единой организации с четкой идеологией; наряду с едиными, довольно общими целями они концентрировались в своей работе на местных задачах, во многом – по поддержанию порядка и спокойствия, и рассматривали себя как временные организации. Вопрос о власти и форме будущего государства должно было решить демократически избранное Национальное собрание – эту идею поддерживало руководство большинства советов. И именно Всегерманский съезд Советов, состоявшийся 16–20 декабря в Берлине, создал мощный внутривластный импульс для широкого общественного консенсуса по этому вопросу. Лозунг спартаковцев “Вся власть Советам!” получил поддержку всего 10 из 489 делегатов; съезд своей резолюцией назначил выборы в Национальное собрание на январь 1919 г. Благодаря этому был сравнительно легко пережит тяжелый политический кризис конца 1918 – начала 1919 г. Добровольный отказ советов от власти и решительное высказывание в пользу парламентской демократии во многом определили политический климат Веймарской республики. При том, что в целом кайзеровский государственный аппарат, армия, экономика, местное самоуправление остались практически нетронутыми¹⁰⁴, данные действия советов – в терминологии коммунистов – решили основной вопрос любой революции, вопрос о власти, в пользу буржуазии¹⁰⁵.

Примечательно, что сам германский кайзер Вильгельм II, в отличие и даже в противоположность прусскому королю Вильгельму II, символизировал собой, репрезентировал и выражал интересы (естественным образом) “вильгельмовской Германии”,

не “господин лейтенант”, а просто “Вы”!». – *Rosenberg A. Die Entstehung der Weimarer Republik*, S. 235. “Неисторично”, но обоснованно А. Розенберг подводит итог: “Не НСДПГ (независимые социал-демократы, левое радикальное крыло СДПГ, отколовшееся от социал-демократов и впоследствии ставшее основой компартии. – *К.Ц.*), а адмирал Шеер (глава штаба морского командования. – *К.Ц.*) создал революционный котел, взорвавшийся в ноябре 1918 г.” – *Ibid.*, S. 168.

¹⁰³ Соответствующие настроения передают записи Э. Трёлча, теолога, философа, либерального политика, одного из основателей Народного союза за свободу и отечество, созданного в 1917 г. в противовес националистической Немецкой отечественной партии: “После жуткой ночи картина стала ясна из утренних газет: кайзер в Голландии, революция победила в большинстве центров, князья отрекаются от своих престолов. Ни один человек не погиб за кайзера и отечество! Чиновничество перешло на службу новому правительству! Гарантируется сохранение всех обязательств и никакого штурма банков! Воскресенье, 10 ноября, был замечательный осенний день. Бюргеры, как обычно, толпами гуляют в Грюневальде. Никаких элегантных туалетов, сплошь бюргеры, иные явно специально оделись просто. Все несколько пришибленные, как люди, чья судьба решается где-то далеко, но все же успокоившиеся и умиротворенные тем, что все так хорошо закончилось... На всех лицах написано: зарплату будут платить и дальше” (цит. по: *Christian Graf von Krockow. Op. cit.*, S. 123).

¹⁰⁴ Спустя полгода после революции из 470 прусских сельских округов только одним управлял социал-демократ, остальные ландграфы занимали свои посты еще со времен империи.

¹⁰⁵ *Judick G. Der Platz der Novemberrevolution 1918/19 in der deutschen Geschichte. – 75 Jahre deutsche Novemberrevolution*, S. 11.

Германии периода империализма, т.е. новой, буржуазной¹⁰⁶. И император, и его Германия стремились всеми силами выйти за тесные рамки практически еще феодальных границ – географические, экономические, демографические, военные и духовные. Однако “старый порядок”, его символы и основные структуры, прежде всего армия и главная опора трона – прусское юнкерство – играли слишком сильную роль и в государстве, и в коллективном мировоззрении, и в мировоззрении самого кайзера; в результате в качестве инструмента для расширения границ и поиска нового кайзер обратился не к политическим реформам, а к новому техническому средству, обещавшему почти волшебные изменения – строительству тяжелого военного флота¹⁰⁷. Мировая война не просто продемонстрировала свою бессмысленность, для Германии – фатальность и безнадежность, но и бесцельность этого нового волшебного средства. Германские вооруженные силы, в конечном счете – германское государство по-прежнему оставались в руках командования сухопутными силами. Не случайно именно эта общественная, а затем и политическая сила стала основным инструментом реакции в борьбе с революцией, а впоследствии – самостоятельным политическим игроком, сдвигавшим республику все дальше вправо. Рубежным моментом стало спартаковское восстание в Берлине в январе 1919 г., затем – разгром Баварской и Бременской советских республик. После этого окончательно распадается единство германской социал-демократии, усиливается правый и левый экстремизм, в январских боях и последовавшем терроре выкристаллизовывается фрайкор, ставший затем основой высшего и среднего слоя НСДАП. Революция останавливается, парламентская демократическая республика, получившая в ноябре 1918 г. практически всеобщую поддержку, теряет сторонников, еще не успев родиться, кайзеровские государственные, административные, социально-экономические структуры дальше почти не меняются. И в результате “в немецкой историографии до сих пор обсуждается вопрос – а была ли в 1918 г. в Германии революция?”¹⁰⁸

¹⁰⁶ Не случайно столь тесная дружба, прежде всего деловая, связывала его со столпами германской тяжелой промышленности, такими как, например, Ф. Крупп.

¹⁰⁷ Прозаик, поэт, драматург и публицист Т. Фонтане еще в 1897 г., до строительства флота, пророчески писал: «Что мне нравится в кайзере – это полный разрыв со старым, а что мне в нем не нравится – целиком противоречащее этому стремление возродить еще более древнее. В некотором смысле он освобождает нас от одиозных форм и проявлений старого пруссачества... Он прекрасно понимает, что германский кайзер – это нечто совсем иное, чем маркграф Бранденбургский. У него миллион солдат, и он хочет иметь сотню броненосцев; он мечтает (и эту его мечту я высоко оцениваю) об унижении Англии. Германия должна стоять выше всех, везде и во всем. Все это – насколько это умно и реалистично, я оставляю за скобками, – мне вполне симпатично... (Но) он стремится, если не к невозможному, то в любом случае к самому опасному с неверными инструментами и недостаточными средствами. Он хочет обрести новое с помощью совсем старого, он хочет построить современность с помощью инструментов из старого чулана... То, чего, по-видимому, хочет кайзер, абсолютно невозможно достичь с помощью “оружия”... Нужно вообще отказаться от вооружения, на его место должны заступить совсем другие вещи: деньги, разум, воодушевление. Если кайзер воспользуется этой троицей, он сможет со своими 50 миллионами немцев начать любую борьбу; с помощью гренадерских шлемов, медалей, наградных лент и бедного сельского дворянства, которое “следует за своим маркграфом сквозь огонь и воду”, он этого *не* добьется. Только вовлеченность народа сможет совершить те чудеса, которых он жаждет... Нужно перешагнуть через наше дворянство; на него можно ходить смотреть, как в египетский музей, склоняясь перед Рамзесом и Аменхотепом, но править страной ради *него* в заблуждении, что *это дворянство и есть страна* – в этом наше несчастье, и до тех пор, пока это будет продолжаться, о дальнейшем развитии германской силы и уважения к Германии во всем мире можно даже и не думать. Там, где кайзер видит *могучий столп*, там всего лишь *глиняные ноги*. Нам нужен совсем другой фундамент. Он пугает, но кто не осмеливается, тот не выигрывает. Чтобы государства погибали в результате смелых преобразований, востребованных временем, – *такие* случаи крайне редки. Мне не приходит в голову ни один. Но обратных примеров – сотни». – Fontane T. Aus meinem bunten Leben. Ein biographisches Lesebuch. München – Wien, 1998, S. 308–309.

¹⁰⁸ Патрушев А.И. Указ. соч., с. 80.

И несмотря на то, что этот тезис в последнее время несколько утратил свою актуальность, по-прежнему значимыми и в известной степени нерешенными остаются многие вопросы, связанные с историей германской революции, в том числе, пожалуй, основной, сформулированный еще Я.С. Драбкиным: “Каков же был основной характер революции? В какой мере смогла она решить стоявшие перед ней исторические задачи?”¹⁰⁹ Ноябрьская революция все еще ждет своих исследователей, и ее грядущий столетний юбилей позволяет с оптимизмом смотреть на перспективы ее изучения.

¹⁰⁹ Драбкин Я.С. Проблемы и легенды в историографии германской революции, с. 8.